

М. Ю. Михеев
«Тихий Дон» Шолохова:
слова на грани «литература – диалект – просторечие»

Есть в русском языке группа слов с некоторой, как можно ее обозначить, поэтической окраской, регулярно образуемые по образцу от глагольной или адъективной основы по типу *гладить – гладь* (в МАС'е это слово – ‘ровная, гладкая поверхность’, без каких-либо помет) или *высокий (выситься) – высь* (в словаре тоже без помет – ‘пространство высоко над землей’). Контрастные с ними однокоренные слова – обычные *высота* и *гладкость* – никак не маркированы и лишены какой бы то ни было поэтической окраски. К той же группе безусловно можно отнести и слова уже устаревшие, или поменявшие свое значение, как *кипень* (у Даля оно значилось как просто – ‘кипяток, вароток’, а в МАС'е уже – как ‘белая пена на поверхности кипящей воды’, без помет). То же самое можно сказать и о словах, получивших в словаре помету «традиционно-поэтическое», как, например, слово *песнь*, или ставших вовсе неупотребительными, как, например, слово *грёзь* (в словаре Даля – ‘то же, что бред, то что грезится’, от *грёза*).

Так, в текстах Сергея Есенина широко использовалась модель образования существительного от глагольного или адъективного корня с помощью нулевого суффикса: *звенеть → звень, дремать → дремь, томить → томь* (последнее на месте, по-видимому, слишком интеллигентски-литературно-затасканного или даже "декадансно-вычурного" словечка *томление*).

Та же самая модель, на мой взгляд, была опробована при создании особого авторского идиолекта для романа Шолохова «Тихий Дон» (так сказать, при рождении «красного Льва Толстого», по выражению Зощенко). Этот роман явно рассчитан на «рабоче-крестьянскую» аудиторию, которой должны были быть близки подобные языковые нововведения и литературные эксперименты – как бы и выполненные по ее заказу, в «народном» ключе, с тем чтобы придать тексту определенный «простонародный» колорит.

Как представляется, в некоторых случаях можно говорить об «укорочении» литературного слова как особом художественном приеме и Есенина, и Шолохова – или, если выразиться более осторожно, о преимущественном использовании «более коротких словообразовательных моделей слов».

Оба автора, и Есенин, и Шолохов, широко практиковали такой прием, только последний – на десятилетие позднее. Соответствующие маркеры стиля как у первого (в его прозаической повести «Яр» [\[1\]](#)), так и у второго, в романе «Тихий Дон», можно рассматривать как «серии» слов, создающие определенный стиль, при том что иногда сама лексика может отходить от исходно родного автору диалекта (у Есенина – от рязанского, у Шолохова – от донского), включая в себя просторечие, неологизмы и «варваризмы» – в духе Лескова и Ивана Ершова. Шолохов совершенно очевидно вдохновляется примером своего предшественника – что ясно из заимствований отдельных слов, образов и целых эпизодов (как из поэзии, так и из прозы).

[\[1\]](#) Она впервые вышла в журнале 1916, но была опубликована и в посмертном Собрании его сочинений «Стихи и проза». Том 4. М.-Л. 1927 – за год перед началом публикации «Тихого Дона». Как говорят, повесть была написана за 18 ночей, под впечатлением от произведения С.Городецкого "Ярь" (с таким возможным толкованием заглавия этой повести – ‘все то, что ярко: ярость гнева, зеленая краска - ярь-медянка, ярый хмель, ярь – всходы весеннего сева, ярь – зеленый цвет’).